

О МЕТАТРОПАХ: ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

А. А. Фаустов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2018 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка построить тропологический четырехугольник, стороны и диагонали которого – это шесть метатропов: метафора, метонимия, метаморфоза, синонимия, омонимия, паронимия. Метатропы истолковываются как различные способы отклонения от базового – взаимно однозначного – соотношения между означаемым, означающим и референтом. Метатропы задают существование шести типов возможных семиотических миров, предполагающих особые варианты поведения субъектов.

Ключевые слова: метатроп, означающее, означаемое, референт, метафора, метонимия, метаморфоза, синонимия, омонимия, паронимия.

Abstract: the article presents an attempt to describe a tropological quadrilateral. Its sides and diagonals are represented by six metatropes: metaphor, metonymy, metamorphosis, synonymy, homonymy, paronymy. Metatropes are treated as different ways of deviation from the fundamental (one-to-one) equation between a signified, a signifier and a referent. Metatropes indicate the existence of six types of semiotic worlds where subjects are supposed to have some specific ways of their behavior.

Key words: metatropes, signifier, signified, referent, metaphor, metonymy, metamorphosis, synonymy, homonymy, paronymy.

После того как во второй половине XX в. риторика пережила бурный ренессанс, снова усилилось внимание и к риторическому инструментарию, в первую очередь – к тропам, среди которых несомненным лидером сделалась метафора. Имея в виду последнюю, ограничимся пока отсылкой к двум популярным антологиям – русскоязычной и англоязычной – и к обзорной книге А. Хаверкампа [1–3]. В целом количество тропологических исследований разного рода теперь уже с трудом поддается исчислению, поэтому обозначим лишь общую тенденцию.

Насколько можно судить, среди подобных работ превалирует описание отдельных тропов или их парных комбинаций – вроде метафоры и метонимии [4]. Иногда такое сужение предмета вызвано сугубо техническими причинами, иногда – принципиальными, когда те или иные тропы истолковываются генерализованно, в духе того, что Ж. Женетт удачно назвал «сокращенной риторикой». Наиболее классический случай такого «сокращения» – двоичная типология Р. Якобсона (метафора/метонимия), которая, как об этом рассказал сам ученый в беседах с К. Поморской [5], была навеяна подобной же оппозицией, обоснованной в работах Н. В. Крушевского [6].

Менее распространены многочленные классификации тропов. К примеру, в американской гуманитарной мысли большое влияние приобрела четырехэлементная типология К. Бёрка (метафора, метонимия, синекдоха, ирония) [7], восходящая, впрочем, еще к риторике XVI в. А в европейской науке традиционные риторические тропы и фигуры были едва ли не исчерпывающим образом перетолкованы – с применением аппарата структурной семантики – авторами «группы μ» [8].

В настоящей статье также предлагается определенный свод тропов (частично привычных, частично неканонических), которым придается расширенный статус и которые с учетом этого именуются метатропами. Не связывая себя жестко ни терминологически, ни методологически с теми или иными конкретными направлениями в понимании тропов, укажем на несколько подходов, особенно важных для статьи.

Во-первых, это интеракционистская теория метафоры М. Блэка. Впоследствии она получила своеобразное преломление в рамках когнитивистской парадигмы истолкования метафоры (а затем и метонимии) на основе модели концептуального «смешения», выдвинутой Ж. Фоконье и М. Тэрнером. Она неоднократно уточнялась авторами [9], обсуждалась и развивалась сторонниками модели [10] и с тех пор завоевала почти безоговорочное господство.

Во-вторых, это незаслуженно менее известная идея С. И. Карцевского об асимметричном дуализме лингвистического знака [11], которая была призвана динамизировать статическое представление о знаке в семиологии Ф. де Соссюра и в соответствии с которой на роль языковых средств такой динамизации были выдвинуты синонимия и омонимия. Хотя ни одна, ни другая по ведомству тропов обычно не числится (и хотя современная лингвистика к тому же отдает явное предпочтение полисемии перед омонимией), оба этих семиотических механизма, как мы увидим, по своей сути вполне тропологичны.

При этом в статье делается шаг назад от когнитивистской парадигмы и шаг в сторону от билатерального взгляда на знак у С. И. Карцевского. Автор придерживается кватернарной, идущей от Ч. С. Пирса интерпретации знакового процесса (означающее – означаемое – референт – субъект), которая подразумевает, что функционирование тропов разворачивается не только в ментальном или в лексико-семантическом пространстве, но и в пространстве предметном, экстралингвистическом. Добавим, что предметное не следует отождествлять с реальным. Как представляется, каждый метатроп конструирует свой возможный мир, в котором по-разному сопрягаются между собой означающее, означаемое и референт (не обязательно единичный: это может быть ряд однородных объектов) и который предопределяет особое семиотическое поведение субъекта.

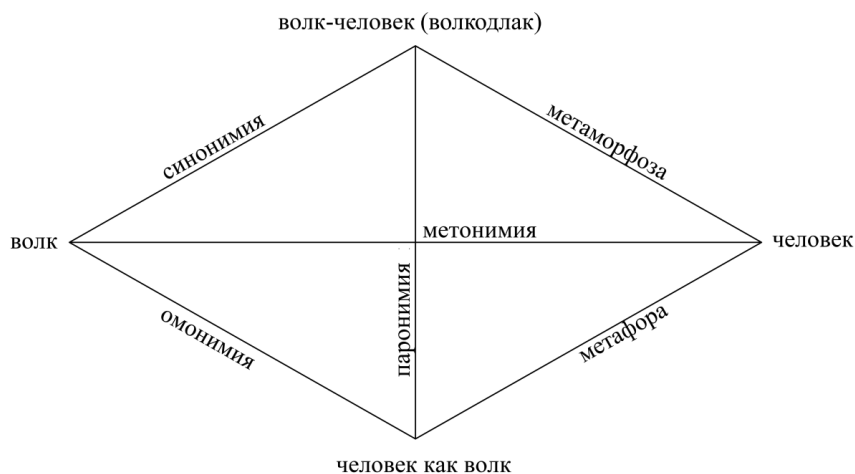
Базовый возможный мир предполагает взаимно однозначное соотношение между означаемым, означающим и референтом. А потому метатропы могут рассматриваться как семиотические жесты, которые – каждый своим способом – рассогласовывают это соотношение и тем самым порождают новые миры. Не претендуя на то, чтобы выявить все комбинатор-

ные варианты таких отклоняющих эффектов, мы попытаемся собрать шесть из них в тропологический четырехугольник, в котором они образуют стороны и диагонали.

То, как работают метатропы, мы продемонстрируем сначала на одном примере, который применительно к метафоре проанализировал М. Блэк [12], сделав его знаменитым. Метафора эта – «человек – волк». Если мы расположим два фундирующих ее референта в противоположных «горизонтальных» вершинах четырехугольника, то целиком он будет выглядеть так (рисунок).

Действие метафоры приводит к тому, что человек наделяется качествами волка, но не перестает быть при этом человеком. Возможна и такая ситуация, когда человек действительно превращается в волка, и здесь перед нами зона ответственности особого метатропа, который обычно не вычлениают и который можно назвать метаморфозой. При метонимическом отклонении человек получает имя волка – скажем, в том случае, если в результате обмана зрения человека приняли за волка, а потом эта ассоциация номинативно закрепились. Функция синонимии заключается в том, что обозначение позволяет отделить среди волков собственно животных от оборотней, волкодлаков. Напротив, омонимия осуществляет своего рода ономастическую кластеризацию, объединяя волков как таковых и людей, воспринимаемых по аналогии с волками. Наконец, еще один неканонический метатроп – паронимия – задает перспективу (вполне реальную, к примеру, при психических заболеваниях), когда обозначение человека как волка влечет за собой превращение такого человека в оборотня.

Если переформулировать это обобщенно и более строго, то мы получим следующую систему метатропов (учитывая их векторный в большинстве своем

Рисунок

характер, мы будем говорить при необходимости о первом референте (в нашем примере это был человек) – P1, и о втором референте (в нашем примере это был волк) – P2):

1) метафора – это совмещение означаемого P2 с означаемым P1, сопровождающееся замещением означаемого P1 означаемым P2;

2) метаморфоза – это замещение одного референта (P1) другим (P2), сопровождающееся замещением означаемого P1 означаемым P2 или совмещением означаемых;

3) метонимия – это замещение означаемого P1 означаемым P2, мотивированное пространственной совместностью референтов¹ и сопровождающееся замещением означаемого P2 означаемым P1;

4) синонимия – это обозначение референта с помощью нескольких означающих, вызывающее расщепление означаемого такого референта;

5) омонимия – это обозначение нескольких референтов с помощью одного означающего, вызывающее сближение означаемых таких референтов;

6) паронимия – это замещение одного референта (P1) другим (P2), мотивированное тем, что означаемое P1 замещено означаемым, близким к означаемому P2, а означаемые референтов совмещены.

Как нетрудно заметить, механизмы функционирования метатропов существенно отличаются; тем не менее в этом тропологическом гексамероне можно усмотреть – с некоторой погрешностью разной степени – три зеркально-симметричные пары: метафора – метонимия, синонимия – омонимия, метаморфоза – паронимия. Возможны здесь, конечно, и комбинированные варианты – вроде того, что уже терминологизировано в качестве «метаморфной метафоры» или более распространенной в лингвистической литературе «метафтонимии» (в обоих случаях это – метафора + метонимия).

Метатропы конструируют особые семиотические миры. И мы теперь сжато перечислим их основополагающие свойства. В метафорическом мире у референтов нет устойчиво связанных с референтами означаемых. В метаморфическом мире нет устойчивых референтов. В метонимическом мире нет устойчивых границ между референтами и устойчиво связанными с референтами означаемыми. В синонимическом мире у означающих количественный перевес над референтами. В омонимическом мире у референтов количественный перевес над означаемыми. А в паронимическом мире нет устойчивого различия между знаком и референтом.

¹ Здесь нужно в известной мере согласиться с уточнением когнитивистов [13] и рассматривать пространство синтетически, не только как сугубо предметную реальность. Метонимической ситуацией в равной степени могут быть и физическое соседство двух референтов, и ментальное, воображаемое.

Каждый из этих миров предполагает особый тип семиотического поведения субъекта, причем следует говорить как минимум о двух противоположных версиях такого поведения. Субъект может либо принимать задаваемые его миром правила игры, либо пытаться их нейтрализовать, что в предельном случае (если мы вспомним об «отклоняющемся» характере метатропов) оборачивается стремлением вернуть свой мир к базовому состоянию или даже вообще выйти из семиосферы. Прототипические образцы подобных способов поведения можно обнаружить и в истории, и в исторических, социологических, идеологических, политических, психологических, философских концепциях, и, разумеется, в фикциональной литературе (применительно к поэзии см. в первом приближении [14]). Было бы интересной задачей построить полномасштабную систему таких соответствий (сошлемся на известный опыт приложения тропологии К. Бёрка к описанию исторических доктрин, предпринятый в свое время Х. Уайтом). Но мы здесь, по вполне понятным причинам, приведем лишь краткие соображения и разрозненные, случайные примеры.

Так вот, в метафорическом мире определяющей является интерпретация референтов, что автоматически означает признание относительности любых истолкований, их непрекращающуюся конкуренцию и т. д. Философские прототипы подобного модуса поведения необозримы. Назовем почти наугад перспективизм Ф. Ницше («...сущность вещи – всего-навсего *мнение* об этой “вещи”. Или даже так: “*считается, что...*” – это и есть подлинное “*это есть...*”, единственное “*это есть...*”» [15]) или американский прагматизм.

В метаморфическом мире стратегия субъекта нацелена на использование пластичности референтов. Уточним (отчасти в параллель к сказанному в первом примечании о метонимической ситуации), что превращения могут быть как реальными, так и условными, не захватывающими физическую природу референтов: могут быть превращения мифологические, а могут быть карнавальными или маскарадными. Социологический прототип контрповедения в таком мире можно найти в трактате Э. Канетти, где в специальной главе тема метаморфоз связывается с темой власти, к примеру: «Властитель ведет нескончаемую борьбу против спонтанных и неконтролируемых превращений» [16]².

В метонимическом мире происходит борьба за смещение границ между референтами, за символический передел реальности. Психологическим прототипом крайней формы такого поведения выступают притязания нарциссического субъекта, стремящегося настолько расширить границы принадлежащего ему,

² Следует оговорить, что Э. Канетти понимал превращения широко, поэтому лишь некоторые из них подпадают нашему определению метаморфозы.

чтобы в них уместился весь мир. Пародийным литературным воплощением подобного субъекта можно считать гоголевского Ноздрева, который объяснял своим гостям: «Вот граница! <...> Всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и всё, что за лесом, всё это мое» [17].

В синонимическом мире совершается война означающих, а вернее – война за право по-своему распоряжаться означающими, что, с другой стороны, провоцирует вопрос об их истинности и аутентичности. В исторической плоскости прототипом такого поведения могут служить тотальные революционные переименования референтов. Любопытно, кстати, что этой проблематике специальную развернутую работу «Язык, война и революция» (1922) посвятил С. И. Карцевский.

В омонимическом мире двойная (за и против) прагматическая установка – генерирование и распутывание ошибок, возникающих при одноименном обозначении несовпадающих референтов, выяснение того, что есть что на самом деле. В вымышленной вселенной литературы всевозможные *qui pro quo* – традиционный, почти технический прием, на котором во многом держатся целые жанры вроде паллиаты или водевиля, разнообразные двойнические сюжеты и т. д.

В паронимическом мире осуществляется порождение фиктивных референтов, размножение которых, в свою очередь, вызывает к жизни желание от них избавиться. Идеологические прототипы контрповедения в таком мире многочисленны и имеют долгую историю. Сошлемся хотя бы на призывы отбросить химерические знаки, заместившие собой вещи, и тем самым раз и навсегда разоблачить предрассудки, социальное лицемерие, о чем особенно со времен эпохи Просвещения учили самые разные мыслители вплоть до Л. Н. Толстого. Или вспомним проекты демифологизации жизни, которые не раз выдвигались в XX в.: среди них такие программные (и во многом противоположные) тексты, как «Мифологии» (1957) Р. Барта и «Общество спектакля» (1967) Ги Дебора³.

³ Заметим, что Барт в своих построениях сохранял приверженность сосюрговской семиологии, а Дебор почти избегал семиотического жаргона, будучи критически настроен по отношению к структурализму как к мышлению, которое узаконивает социальный спектакль и спонсируется властью.

В заключение остается лишь сказать, что базовый семиотический мир – это мир утопии и, пожалуй, еще в большей мере – антиутопии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – 512 с.
2. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / edited by Raymond W. Gibbs. – Cambridge et al., 2008. – 550 p.
3. Haverkamp A. Metapher. Die Ästhetik in der Rhetorik / A. Haverkamp. – München, 2007. – 182 Seiten.
4. Metaphor and metonymy in comparison and contrast / edited by Rene Dirven, Ralf Pörings. – Berlin ; New York, 2002. – 605 p.
5. Якобсон Р. Беседы / Р. Якобсон, К. Поморска. – Иерусалим, 1982. – С. 98–99.
6. Крушевский Н. В. Очерки науки о языке / Н. В. Крушевский. – Казань, 1883. – С. 128 и сл.
7. Burke K. A grammar of motives (1945) / K. Burke. – Berkeley ; Los Angeles ; London, 1969. – P. 503–517.
8. Общая риторика (1970) / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. – М., 1986. – 392 с.
9. Fauconnier G. The way we think : conceptual blending and the minds hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York, 2002. – 440 p.
10. Windows to the mind : metaphor, metonymy and conceptual blending / edited by Sandra Handl, Hans-Jörg Schmid. – Berlin ; New York, 2011. – 314 p.
11. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский. – М., 2004. – Т. 2. – С. 239–245.
12. Black M. Models and Metaphors. Studies in Language and Philosophy / M. Black. – Ithaca ; New York, 1962. – P. 39–44.
13. Panther K.-U. Introduction : On the nature of conceptual metonymy / K.-U. Panther, L. L. Thornburg // Metonymy and metaphor in grammar / edited by Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg, Antonio Barcelona. – Amsterdam ; Philadelphia, 2009. – P. 1–7.
14. Фаустов А. А. Семиотика русской лирики / А. А. Фаустов. – Воронеж, 2018. – 167 с.
15. Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. / Ф. Ницше. – М., 2005. – Т. 12. – С. 127.
16. Канетти Э. Масса и власть / Э. Канетти. – М., 1997. – С. 405.
17. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л., 1951. – Т. 6. – С. 74.

Воронежский государственный университет
Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы
E-mail: aafaustov@list.ru
Тел.: 8-915-588-65-13

Voronezh State University
Faustov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the History and Typology of Russian and Foreign Literature Department
E-mail: aafaustov@list.ru
Tel.: 8-915-588-65-13